

Астафьев Виктор Петрович Трофейная пушка astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

За речкою, вскипающей веснами и утихающей под ряскою летами, между двух холмов, будто между грудей дородной украинки, уютно расположилось белохатное местечко. Возле того и другого холма ожили мутные скатыши-потоки. Там, где холмы сближались, образуя глубокую ложбину, потоки сливались перед тем, как, сойдясь вместе, упасть в пенисто взбитый омуток, полоскали голые кусты в воде, щекотали берег прошлогодней осокой, сорили лохмами растеребленного ветрами камыша, щетинились колючими кустами возле мостика, нежно осенялись веткой цветущей вербы над мостиком. Мостик немцы разобрали. На заречном скате пологого широкого поля, с осени скошенного, таборилось десятка три-четыре машин, два куцых броневика-газика, несколько батарей пушек ? гаубиц и минометов, дивизион зачехленных "катюш" и еще кой-какая техника. В колонне не оказалось ни одной саперной части, и потому шло в ней препирательство: кто должен восстанавливать мостик? Желающих не находилось. Солдаты повылазили из машин, лежали на прошлогодней кошенине, кусали соломины, смотрели в синенькое небо или спали. Только что майор Проскуряков прошел вдоль колонны и с руганью, не переходящей в матюки, отрядил к мостику по пять человек от каждой части, или остатков частей, сгрудившихся на пологом холме. Впрочем, ругаться все-таки пришлось, с эрэсовцами. Эти баловни войны до сих пор еще не отвыкли от того, что при виде "катюш" шалели все от мала до велика и галантно уступали им, как дворянам, любую дорогу. Майор Проскуряков выпер из машины эрэсовского капитана, и теперь тот, вместе с надменными и сытыми своими солдатами, вкалывает у моста за милую душу, майора все признали за старшего и теперь обращались только к нему. Ставши главным, майор Проскуряков позволил себе быть раздражительным и ходил вдоль колонны, ворча и придираясь. Велел выставить дежурных возле машин и по части "воздуха", чем, мол, черт не шутит, приказал выставить на само поле наблюдателей, и тут же, как черт из-под земли, выскочил молоденький младший лейтенант Растягаев с биноклем на груди и изъявил желание быть в этом самом охранении. Майор Проскуряков скользнул грузным взглядом по испитому, но одухотворенному лицу младшего лейтенанта, по диагоналевой, щеголеватой заправленной гимнастерке, по фасонисто смятым голенищам парусиновых сапог, буркнул: "Ну-ну", ? и младший лейтенант, щелкнув каблуками, удалился с двумя солдатами на спуск к мосту, где уныло стояли без крыш два семенных колхозных склада, и в затени их, клюнув дульным тормозом в землю, молчала батарея немецких пушек, семидесятипятимиллиметровок, заваленных ворохами прелого камыша. Здесь поработали наши штурмовики, поносили шапки крыш со строений и перепугали немецких артиллеристов, которые, прихватив панорамники-прицелы, убежали куда-то, не взорвав стволы орудий и не сняв даже запорных замков. Солдаты с младшим лейтенантом пошли не из его, Проскурякова, дивизиона, какие-то приبلудные. Солдаты эти, судя по всему, были уже битые, завалятся они в сарае спать, лейтенантишко же будет нервно дежурить и мечтать о противнике. Майор Проскуряков еще раз подивился и подосадовал на то, как быстро и легко стали печь у нас командиров, как просто и порой задарма, за красивые патриотические слова и умение выслуживаться начали давать награды и так же просто и легко спроваживать людей в штрафные роты, которых на фронте стало заметно, слово "штрафник" сделалось уже привычным и не всех пугало. Участник кровопролитного штурма Хасанской сопки, там раненный и награжденный, майор Проскуряков и почести, и звания, и взыскания привык получать заслуженно, давно уже умел отличать выскочку от настоящего вояки. В этой колонне было четыре батареи ? его дивизион. В каждой батарее с добавкой шесть пушек. Шестью четыре сколько будет? Двадцать четыре. Расчеты у пушек не полны, во взводах управления дивизионов людей и вовсе кот наплакал. Но это сила! Большая сила. Наступление останавливается. Останавливается, потому что весна, потому что грязь, потому что всю зиму наступали, потому что устали люди, устал даже он, майор Проскуряков, давно отвыкший уставать и жаловаться. Но по инерции, потому что армия, раздерганная, разбросанная, полусонная от усталости, еще идет, идет и противник, огрызаясь редко и тоже устало, чаще не входя с нею в соприкосновение, уползает все дальше и дальше на запад по черноземному бездорожью. Иногда вспыхивает бой, наши натываются на заслон, на броневую группировку, на пополненную либо отчаянную немецкую часть. Привыкшие видеть уходящего без боя врага, ослабившие мускулы и бдительность, бойцы наши, русские иваны, от веку своего имеющие врожденную лень и беспечность, не выдерживают неожиданных контратак, и тогда... тогда им нужен заслон. Тогда двадцать четыре пушки с небольшим боезапасом остановят атаку противника, погасят вспышку, залатают дырки на одном из участков фронта. Вот потому-то командир бригады собрал со всех батарей снаряды, вылил из всех машин горячее, повыгонял из штаба людей ? и все это отдал в дивизион майора

Астафьев Виктор Петрович Трофейная пушка astafevvictor.ru
Проскурякова. И отрядил его идти вперед, остальным дивизионам уж как доведется. И комбриг, и майор Проскуряков, и все командиры на фронте знали, что если сейчас не возьмут у врага часть нашей земли, потом ее нужно будет отбивать большей кровью. В таком наступлении все решает работа. И послал комбриг майора Проскурякова вперед с дивизионом потому, что был он работяга. Если бы потребовалось послать дивизион на прямую наводку против танков, комбриг не тронул бы Проскурякова, и потому что берег его как старого кадрового офицера, и потому что командиры для таких дел у него были более отчаянные, более вспыльчивые. У тех командиров наград было больше, чем у майора Проскурякова, на заметках у большого командования были они, но не майор Проскуряков. Они сейчас уже далеко от фронта, в дубовом лесу выжаривают вшей из одежды, моются, бреются, ждут обеда и отрядили ординарцев за самогоном, а он вот тут с дивизионом возле паршивого мостика застрял. Он со своими солдатами почти волоком тащит машины и пушки. За то время, как оторвался от бригады, пушки его стреляли только раз, и теперь он не досчитывается сорока бойцов и половины снарядов. Сколько еще идти следует, почти не евши и не спавши? Спят сейчас бойцы в машинах и возле машин на грязной, размешанной стерне, не по уставу спят, они просто заслуженно отдыхают. Обувь у солдат разбита, гимнастерки полопались на спинах и зашты, у кого через край, у кого онучи вместо заплат пришиты. До первого мая еще двадцать дней? Тогда дадут новое, летнее обмундирование; срок в нашей армии по смене обмундирования приурочен к великим дням: первый май? летнее, седьмое ноября? зимнее? настоящий праздник. Заведено носить нашему солдату одежду от праздника до праздника, от осеннего до весеннего. Это межобмундировочное время на войне пережить трудно. Майор Проскуряков смотрит на местечко, уютно расположившееся в ручьевине. Местечко, совсем не потревоженное войной. Оно в стороне от больших дорог, его не видать издали, и нет в нем никаких сооружений, годных для обороны. Одна только церковь в середине местечка, у нее снят купол вместе с колокольней, и свечи тополей берегут остатки церкви, собою загораживают ее от войны. Ни одного дома в местечке не разбито, и воронок в огородах нет. И потому оно такое тихое и улыбочиво-грустное от вешнего томленья. Горланят в нем петухи, людей на улицах пока не видно, коровы недоенные мычат. Попрятались люди, окна сверкают, улыбаются белые хаты солнцу, улыбается местечко своим солдатам, зовет их, приветствует. Глядя на это местечко, майор Проскуряков тихо радовался ему и чуть завидовал людям, живущим в нем, жалел тех солдат, которые не дошли до него и не видели, как разморенно стоит вода в разлившихся по прилужью ручьях, как кружат и голоса над ними похотливые бекасы, как озаряются зеленью бугры за речкой, и вишневые сады возле хат задумчиво ясны перед цветеньем, у крайнего дома вот уж три или четыре круга прогнал курицу красный петух, не щадит его жена, не дается. Майор Проскуряков думал только о тех солдатах и командирах, которые погибли недавно. Их он помнил отчетливей, и даже лица людей, и то, как они погибали, ему помнилось. Других, что прошли за годы войны вместе с ним еще и до дивизиона, тех, с которыми он валялся по госпиталям, майор уже не мог представить в отдельности. Не было времени и места, где бы вместились ушедшие от него люди? Слишком их было много. И жалости, той обычной жалости, со словами и слезами, тоже у майора не было. Майору Проскурякову просто хотелось, чтобы жили люди, дошли бы вот до этого местечка, полежали бы на ломкой стерне, помечтали о еде и победе. Но ничего этого им уже не доведется пережить, хотя и живы они еще в воспоминаниях майора. Ему помнить друзей своих, болеть за них неутихающей болью. Еще утверждают где-то наградные листы на них, где-то они еще числятся на довольствии, где-то жена или мать в последних мыслях перед сном думает о них и желает спокойной им ночи. Так будет еще какое-то время, потом все остановится для мертвых, даже память о них постепенно закатится за край жизни, если и будут их вспоминать, то уж не по отдельности, как Ваньку, Ваську, Петьку? обыкновенных солдат, копавших землю, жаривших в бочках вшей, материвших Гитлера и старшин, норовивших посылать пожарить и побольше поспать. Их будут считать и вспоминать сообща как участников, может, и как героев войны. А они таковыми себя никогда не считали, и никто их при жизни таковыми не считал. И оттого сотрется лицо Ваньки, Васьки и Петьки, будет навязчиво проступать какой-то неуклюжий монумент в памяти, каменный, в каске, чужой, совсем людям безразличный. Такие длинные и невеселые думы томили майора Проскурякова. Он полулежал на сиденье "студебеккера" с полуприкрытыми глазами и ровно бы спал, но в то же самое время все видел и слышал. Видел он, что у мостика больше курят, чем работают, весело уж больно там, значит, появился среди бойцов потешник, обязательный для каждой роты и взвода. Потешников майор Проскуряков не любил, потому что они чаще всего были хитрецы и лодыри, зубы мыли оттого, что переключивали свою работу на простачков. Но спускаться к мостику майор Проскуряков не захотел. Дело клонилось к обеду, он знал, что, как войдут в местечко все эти войска, то выжить их оттуда будет невозможно, пока они не добудут еды и не выспятся. А вид у местечка был

сытый и домовитый, так что и ночевать здесь, пожалуй, придется, и он уже мысленно планировал, где выставить и окопать дежурную батарею, как расположить по избам бойцов, чтобы они не дотла объедали хозяев, наелись бы, но при этом не напились до небоеспособности и чтобы в любое время их можно было собрать к бою, потому что в таких вот милых и добрых селениях, при такой вот мирной обстановке дважды два попасть впросак, погубить дивизион, селение это и себя вместе с ними. А пока майор Проскуряков думал да планировал в пределах своего хозяйства и небольшого участка войны, младший лейтенант Растягаев, не отнимая бинокля от глаз ? первый его трофей на войне, выменял у солдат за табак, за запасную пару обмундирования, ? шарил по местечку, легкий табак он не курил, но табак ему все равно давали, ? он тем биноклем и шарил по окрестностям. Врага нигде не было, и младший лейтенант досадовал на это. Стоило ему ехать за тыщи верст, чтобы попасть вот на такую войну, где фашистов и в бинокль не видеть, не то что простым, небооруженным глазом. Сын деревенского грамотея, впоследствии лектора райкомовской группы, Сергея Потаповича Растягаева, Сергей Сергеевич спал и видел себя на войне, и только возраст, и только год рождения ? 1925 ? удерживал его в тылу. Он брал осадою военкомат ежемесячно, но пока не сделался совершеннолетним, вынужден был учиться в школе, затем работал военруком в этой же школе, потому что всегда был отличником боевой и политической подготовки. В тот день, когда его наконец-то зачислили в военное училище, мать слегла в постель, отец сердито сказал: "Дурак! Ты же сломаешь себе шею на фронте. Работал бы в школе. И потом...". Сергей знал это "потом" ? "и потом ты же нездоров". С самого детства преследуют его этим "и потом...". Он давно уже перебог в себе хворь. Он давно уже моется ледяной водой, работает на турнике, бегаёт, прыгает, стреляет, но, видите ли ? "последствия...". Что за комиссия, создатель, родиться в семье интеллигентов. ВС?—то они знают, и в тебе, и за тебя. И ах, ах, ты худ, ты бледен, ты переутомился, ты недоедаешь... Надоело! Из училища Сергей писал родителям сдержанные, почти суровые письма. И они так и не узнали и никогда не узнают, как вышибал из него "высшее образование" визгливый старшина Закорюченко, как он, не привычный к голоду, страдал от недоедов и еще больше ? от тупой, затаенной злобы к его интеллигентским замашкам: "вы", "пожалуйста", "позвольте", "будьте любезны"... У него было увлечение и даже больше ? его первая любовь ? худенькая, нервная студентка Валя. Вечером, перед отправкой его на фронт, они целовались до жаркости за старой баржей, вытасенной на берег реки, и сквозь стиснутые губы Валя патристически выдыхала: "Ты бей их, бей беспощадно!". А потом легла на песок и сказала, что она желает принадлежать только ему одному и готова на все. Сергей застенялся, сконфузился, стал почему-то извиняться, они ушли с берега молчаливые и пристыженные. Валя писала ему на фронт каждый день, влюбленность их росла от письма к письму, где-то, глубоко затаенное, жило в Сергее сожаление о том, что ушли они тогда от баржи просто так, и еще он очень сожалел, что не может написать ничего такого, выдающегося о своих делах на войне, до лжи он скатиться не мог. Он открыто презирал солдат, которые в письмах к заочницам городили о войне черт-те что, и те, судя по ответам, верили всем этим небылицам, восхищались солдатами и боялись за них. Впрочем, на фронте Сергей был всего неделю, прибыл он в артбригаду с пополнением, прибыл явно не по назначению, потому что прошел общевоинскую подготовку и, вроде бы, все знал и умел, на самом же деле ему, как и многим его сверстникам, предстояло набираться ума, приобретать опыт в боевой обстановке, если обстановка позволит, если командиры-стервятники не стравят его, сверхзеленого, неустрашимого бойца, в первом же бою. При форсировании реки проломился и утонул вместе с оружием подо льдом командир взвода управления дивизиона майора Проскурякова. Достали из-под льда и орудие, и тело офицера, орудие-то что, отчистили, смазали, но стылое тело человека закапывать пришлось. Бойцы вспоминали нечасто своего взводного, на нового младшего же лейтенанта косились, слушались его неохотно, иногда в пререкания с ним вступали, майор Проскуряков, вроде бы, и совсем не замечал. В бою, что был третьего дня, младший лейтенант не участвовал, майор Проскуряков отослал его в бригаду с донесением, с пустыми ящиками, бочками, гильзами, пока все это утильсырье младший лейтенант сдавал, а взамен получал сухари и несколько десятков снарядов, бой уже кончился, все убитые были похоронены, раненые отправлены пешком и на попутных машинах в тыл, потому как майор Проскуряков берег горячее, снаряды, патроны и дал под раненых всего одну машину, у которой были цепи. Младший лейтенант Растягаев уже подробно изучил все местечко и даже подходы к нему и отходы от него, объекты и пункты, на которые можно было бы залезть для наблюдения, осмотреться и уложить, коли надо, противника. Дорога по местечку проходила одна. И была она без всяких затей ? у нижнего мостика, где сливались ручьи, она ныряла под свод тополей, на дальнем конце, почти уже на горбине холма, вытекала из тополей и забирала влево, сваливалась за бугор, собрав по пути дорожки-тропы, терялась вдали. Вот тут-то, на этом бугре, на

Астафьев Виктор Петрович Трофейная пушка astafevvictor.ru
глубоко продавленной дороге, младший лейтенант вдруг увидел крытую машину. Она буксовала, из-под колес шел дым, летели ошметья грязи, какие-то люди суетились вокруг с лопатами. Рыло у машины было тупое, шофер сидел не на том месте, где сидеть положено. Младший лейтенант Растягаев тряхнул головой и вдруг осознал, что это не наваждение, это немецкая машина, техника врага. Он отнял бинокль, машина сразу отскочила далеко и стала величиной с чемодан, люди с мух величиною. ? Товарищи! ? сдавленным голосом крикнул младший лейтенант. ? Немцы! Два солдата, упрятавшихся возле глиняной стены под пластушинами ? тюфяками камыша, сброшенного с крыши склада, разом вскочили, стали искать винтовки. ? Где немцы? ? спросили они, оглядываясь по сторонам. Младший лейтенант сначала показал им рукой, потом стал совать ближе к нему стоявшему солдату бинокль. Но тот отстранил руку взводного с биноклем, прислонил ладонь к глазам. ? Буксуют, ? буркнул он своему товарищу и стал выплевывать изо рта насыпавшуюся ость, затем высморкался, утерся подолом изрешеченной от табачных искр гимнастерки, товарищ его принялся закуривать вяло и сонно. ? Как же!.. Уйдут ведь! ? пролепетал вконец сбитый с толку младший лейтенант Растягаев. ? Немцы, фашисты, говорю, уходят! ? громче, как глухим, крикнул он. ? Ну и хер с ними! ? буркнул тот солдат, что закуривал, другой даже и не пошевелился, по тому, как оттопырилась и отодвинулась его нижняя губа, видно было, что он сразу и уснул. Это совсем уж озадачило младшего лейтенанта. ? Как же... Доложить надо... фашисты же... ? Да не уйдут оне далеко, ? должно быть, утешая командира, махнул рукой солдат, ? а докладывать, чего докладывать? Видят. Не слепые. ? Видят! ? поразился младший лейтенант. ? Видят и... ничего... никаких мер! ? О господи, да какие еще меры-то надо? Угомонись ты, младший лейтенант, навоюешься еще. И тут младший лейтенант не выдержал: ? Во-первых, не "ты", а "вы"! Во-вторых, ? младший лейтенант прищурился, во-вторых, бросьте папироску. И встать! Встать, говорю! Солдат ухмыльнулся, нехотя встал, но сигарку не бросил, спрятал ее в рукав, и теперь дым валил у него из-под гимнастерки в дырявый ворот, точно в трубу. ? А вам что, отдельную команду подавать? ? закричал младший лейтенант на второго солдата, совершенно уверенный в том, что тот вовсе не спит, но притворяется. ? Игнат, ? толкнул спящего товарища ногой солдат, ? вставай! Строевой будем заниматься... ? А пошли вы, ? пробурчал Игнат, ? неча делать, как шутки шутить. ? Что-о? Шутки? Встать! ? Ну встал, встал, чего разоряться-то? ? заворчал солдат, усаживаясь и отыскивая глазами провалившуюся в камышовые снопики пилотку. ? Ровно белены объелся, орет и орет. Между тем, немецкая машина продвинулась выше по бугру и вот-вот могла перевалить за него и скрыться. И тут младший лейтенант вспомнил про пушку, стоявшую за сараем. ? За мной! ? с остервенелым свистом командовал он солдатам. Те пожали плечами, вскинули на плечи винтовки и почти пустые вещмешки, пошли за сарай. ? Лопатки есть? А ну, выкапывай сошники! Разворачивай орудие! К бою! ? Не стоит, младший лейтенант! Не нужно бы этого!.. ? Молчать! ? Ну, молчу, молчу. Солдат, что был помоложе, однако, увлекся намерением младшего лейтенанта, стал быстро выкапывать сошники. ? А что? Мы ее сейчас. А Игнат? Игнат ничего не ответил, мотнул головой напарнику, налегли на пушку втроем, с сопением развернули, нехотя, ворча, Игнат начал вкапывать сошники немецкой пушки. ? Как стрелять-то? Прицел-то немцы унесли. ? По стволу, товарищ боец, по стволу, ? прицелкнул пальцем младший лейтенант Растягаев. Он уже перестал сердиться и шуметь. И ему даже нравился этот грубоватый Игнат. Таким и должен быть бывалый, все повидавший, все испытывавший фронтовик. Если он, младший лейтенант Растягаев, вспылит, так чего не бывает в боевой обстановке. ? По стволу трудно. По стволу только в кинe стреляют. С прицелом и то чаще мажут, чем попадают... ? Да что вы все ворчите, ворчите! Снаряд! Зар-ряжать! ? прокричал младший лейтенант. ? Ну нате, нате, повоюйте! ? Игнат сунул длинную гильзу со снарядом в ствол пушки и закрыл замок. Второй солдат крутил ручку, наводил, младший лейтенант Растягаев смотрел на ствол и, разом побледнев, командовал: ? Выше, выше. Еще чуть выше. Стой! Влево немножечко. Стой! Стреляю! ? он пошарил кнопку, нашел ее пальцем и совсем уж глухо, одними губами добавил: Произвожу выстрел! ? И, зажмурившись, даванул кнопку. Пушка ударила звонко, резко. Снаряд разорвался далеко за бугром, взметнулся там метлою взрыв и тут же вместе с долетевшим звуком развалился в пухлый гриб, такой гриб на родине Растягаева называют дурно ? бзд?хом. Люди возле тупорылой машины засуетились, забегали. ? Ага-а! ? закричали разом молодой солдат и командир, у которого азартно засверкали глаза. ? Товарищ боец, наводи! ? командовал он. ? Вас как зовут-то, товарищ младший лейтенант? ? простодушно спросил командира молодой солдат и сам представился, не дожидаясь ответа: ? А меня Леонидом зовут, Ленькой, значит. ? Оч-чень хорошо! Рад познакомиться в боевой обстановке. Моя фамилия Растягаев. Младший лейтенант Растягаев. ? И тут же подтянулся, крикнул: За-аряжай! ? Не надо бы больше стрелять, супротивника насторожим, ? отводя глаза в сторону и нехотя засовывая в ствол снаряд, опять забубнил Игнат. ? Да что вы в самом-то

деле! ? окончательное разозлился младший лейтенант и торопливо даванул кнопку, забыв сделать доводку. Когда дым отнесло от дульного тормоза, Игнат сокрушенно развел руками: ? Ну вот, в избу попали, а там, может, люди, дети... Младший лейтенант Растягаев пошарил глазами по кромке местечка, разубедиться хотел в содеянном и неожиданно заметил провал в темной соломенной крыше, обозначенной вывернутой изнанкой соломы, и по этой светлой соломе виляющий хвост белого дыма, затем разом вспыхнувшее и тут же померкшее от солнца пламя. ? Дайте уж лучше я, ? оттер младшего лейтенанта от пушки Игнат и стал стрелять ловко и быстро. Снаряды рвались на бугре, вдали от машины, но с каждым выстрелом младшему лейтенанту казалось, что сейчас, следующим выстрелом они непременно попадут в фашистскую машину, наверное, с теми самыми солдатами, что ломали мостик, машина, может, и с радиостанцией, над нею, вроде бы, антенна видна. Хорошо бы захватить радиостанцию с обслуживающим персоналом. Возле машины суетилось человек пять ? не меньше, сейчас вон в колее, в грязи лежат, не двигаются, прижало их. Пушка тявкала злобно и недовольно, снаряды все ложились далеконько от цели. От колонны бежал солдат и что-то кричал, махая рукой, как будто затыкал ладонью трубу. Перестали стрелять. ? Эй, ? кричал солдат, ? зачем ерундой занимаетесь? Товарищ майор ругаются. ? Скажите товарищу майору, ? уничтожительно сощурился младший лейтенант Растягаев, ? когда противник уводит свою технику, и если враг не сдается, как говорил АЭМ Горький, его нужно остановить, уничтожить, но не спать. И... Кругом! Игнат усмехнулся, качнул головой, Ленька подтянулся и то ли в шутку, то ли всерьез спросил: ? Еще стрелять?! Подбавим им вони в штаны... ? Давай! Они выстрелили два раза, пока посыльный из дивизиона вернулся к машине Проскурякова и слово в слово доложил ему сказанное младшим лейтенантом. А слово в слово он доложил, потому что ему давно никто не давал такой издевательской команды: "Кругом!" ? и еще потому, что давно и прочно засел в денщиках майора и до косточки знал его. ? Что-о? ? взъярился майор. ? А ну вернись и скажи этому вояке, чтоб он явился ко мне! Солдат с радостью кинулся выполнять поручение, в это время далеко за бугром хрипло, немыслимо заскрипело, и едва солдат успел броситься под машину, а майор Проскуряков выскочить из "студебеккера", как на колонну обрушился залп шестиствольных минометов. Разом все стихло. Валились, и шлепалась грязь комками, оседали пыль и дым. Один только залп. У немцев тоже было плохо с боеприпасами, но и этим залпом перебило колонну пополам, словно ящерицу посередине, осела назад и чадно задымилась грузовая машина, закричали раненые, машины в колонне дернули которые вперед, которые назад от горящего "зиса". Бойцы из-за борта его вытащили двоих убитых, да на обочинах поля затихло еще несколько человек, на них от горячей стерни загорелись волосы и гимнастерки от плеснувшего из бака подбитой машины горячего. Внизу, у моста, пошла работа спорее, не то что до залпа, подстегнуло, шоферы сделали то, что давно должны были сделать, ? разогнали по полям машины, подыскивая место и средство для их маскировки, "катуши" отъехали за обезглавленные зерносклады, солдаты, на ходу вбивая диски в автоматы, устремились за сарай, к только что стрелявшей трофейной пушке. Все это майор Проскуряков успел увидеть, пока поднимался с земли, тут же понял, конечно, уразумел, зачем бегут так прытко, яростно бойцы с автоматами к клуне, а поняв, закричал: ? Стой! Стой, говорю! Его не слышали или не хотели слышать. От всей колонны уже густо спешил к трофейной пушке народ, матерясь и грозно размахивая оружием. Майор Проскуряков вдруг понял, что криком тут не воздействовать, не тот момент, и тоже побежал к пушке. Был он уже тучен, одет по всей форме и давно не бегал, потому что командиры бегом бегают только при отступлении на войне, в наступлении в основном рядовые по приказанию бегают и без приказа, по делу, но чаще без дела. Майор почувствовал, что прыти его не хватит обогнать солдат, особенно молоденьких, что младший лейтенант Растягаев, по всей вероятности, отвоевался. Тогда он на ходу отстегнул кобуру, с трудом выдернул присохший к коже пистолет и выпалил всю обойму в небо, пытаясь обратить на себя внимание, отвлечь хоть ненадолго людей. Но и это не помогло. Пушку уже заслонило топчущейся вокруг нее серой толпой, Проскуряков услышал: ? Бра-а-а-атцы, помилосердствуйте, ? голос сохлый, в голосе этом была уже безнадежность, так мог кричать только бывалый, знающий людскую стихию человек. Этот крик подстегнул Проскурякова. Где-то взялись еще силы, он ворвался в круг, расталкивая бойцов. Били двух солдат, старого и молодого. Младший лейтенант Растягаев, отброшенный к клуне, рылся в пыльных связках камышей, стараясь подняться с колен, и одной рукой утирал разбитый нос, другой судорожно выдергивал, к счастью его, зацепившийся в кирзовой кобуре, вышедший из обихода наган. Еще миг ? и никого уже остановить было бы нельзя. ? Прекратить! Стой! ? сжавшимся от одышки голосом гаркнул Проскуряков, крикнул всем, но бросился на комвзвода, вывернул у него наган из руки и уже инстинктивно, просто по командирскому наитию, крикнул визговато: ? Смирно! ? И прибавил толстущее ругательство, хотя не был ругателем, боролся с матершинниками в своем окружении,

Астафьев Виктор Петрович Трофейная пушка astafevvictor.ru наказывал их. ? Смирна! ? Повторил он менее повелительно. ? Все смирно! Среди бледных, трясущихся в злобе бойцов произошло замешательство, двух солдатиков перестали катать по земле, бить и пинать. Нужно было сейчас же, немедленно, пока не заорали горлопаны, давать удовлетворение этой усталой и оттого разом осатаневшей толпе, именно уже толпе, но не воинской команде. Майор как можно строже, не особенно громко произнес: ? Младший лейтенант Растягаев, вы арестованы! Пищенко! ? позвал он своего денщика, ? уведи младшего лейтенанта! Пищенко возник откуда-то мгновенно и звонко крикнул, вскинув к пилотке руку: ? Есть! ? А Растягаеву сквозь зубы процедил: ? Н-ну, пас-с-кудник, ну, шкода, будет тебе баня. Два избитых солдата между тем уже уселись на земле, младший из них, с оторванным карманом гимнастерки, собирал вывалившиеся письма, карточки и, горько плача, вопрошал: ? За что же нас, дядя Игнат? За что, а? Игнат шарил большими, запачканными копотью от гильз руками по столбцу гимнастерки, пытался застегнуть ее, но пуговица на гимнастерке осталась всего одна, и он ее то застегивал, то расстегивал. Под глазом у него вздувался и начинал окалинно синеть фонарь, совсем неуместный и нелепый на его большом лице, усатом, строгом от глубоких морщин и лучистых заморщинок у глаз. Кругом стоял крик. Так всегда ? солдат перестал действовать руками, переходит на глотку: ? Повоевать захотели, суки! ? Старый хрыч, туда же! ? Сколько людей зацепило из-за них... ? Задрыги! Майору спасибо говорите, а то бы... ? Игрушку нашли! Войной балуются. ? Будто не успеют! ? Лейтенантишко-то орден захотел! ? Ну, один орден по морде уже получил! ? Дурак он, по молодости лет, а этот-то, старый хрыч, куда лез? Слов было много, ругательств, попреков того больше, но главное уж прошло, схлынула озверелость, съезжилась, опускалась шерсть на загривке. Старый солдат, почувствовав это, сказал еще раз: ? Простите, братцы. Винюся. Я виноват, не очурил младшего лейтенанта. И этот еще вьюнок, ? сверкнул Игнат глазами на товарища. ? Пошли уж... От колонны уже густо набежало к пушке народу, все с серьезными намерениями. Майор Проскуряков, дождавшись, когда уйдут избитые солдаты, громко и строго попросил: ? Прошу расходиться, товарищи, и готовиться к маршу. ? Я не хочу. Я не буду! ? уже по-мальчишески вызываяще звонко закричал младший лейтенант. ? И никуда не пойду. Я драться, я воевать до последнего вздоха буду! ? Пищенко подтолкнул его, он едва не упал, уронил пилотку, подняв ее, отряхивая о колено, еще звончее закричал: ? Воюете четвертый год и еще десять лет провоюете... Майор приостановился, смерил с ног до головы младшего лейтенанта и внятно, всем слышно произнес: ? Го-овнюк! ? и пошел быстро к сыто урчащему заведенному "студебеккеру". Пищенко строго и тоже чтоб всем слышно было прокричал младшему лейтенанту: ? Идите, быстро идите в кабину, а то, неровен час, допекете людей, сократят они вам срок войны! ? Как это сократят? ? Очень просто! Шлепнут и закопают вместе с теми вон, кого по вашей милости убило, и напишут на фанерке: "Пал смертью храбрых в борьбе с гитлеровскими захватчиками", и маме не объяснят, как пал. Пал и пал... Пищенко был вьедливый человек, но любил майора и, отворачиваясь, добавил: ? А товарищ майор, между прочим, еще на Хасане ранен... ? и еще, помолчав, добавил: ? А ругаются по-черному товарищ майор исключительно редко. До вечера просидел Растягаев в кабине машины. К сумеркам был налажен мост, колонна втянулась в местечко Грицев. Там солдаты из других, более притких частей распределились уже по хатам, заняли оборону на высоте, протянули связь к артиллеристам, был отряжен транспорт за снарядами, за горючим и за продуктами. Младшему лейтенанту Растягаеву вернули наган, передали приказание ехать на газушке взвода управления за этим самым транспортом. Не самовольничать, выполнять ответственное задание и во что бы то ни стало привезти побольше снарядов и сухарей. Ехидный Пищенко передал слова майора Проскурякова: "Чтобы вы в дороге обдумали свое поведение". Младший лейтенант Растягаев с распухшим носом хрястнул дверцей кабины газушки, велел шоферу трогаться и подумал, что слова Пищенко, сказанные ему на прощание, вовсе и не слова майора, самого этого командирского холуя слова, но обмозговать все же кое-что было необходимо.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!